

Гюг ле Ру

Норманны в Византии

Ру Г.

Норманны в Византии / Г. Ру —

Плавая вдоль западного берега Франции, норманны стали проникать дальше на юг. В 844 г. викинги напали на поселения на Астурийском берегу, но были отбиты. Они разграбили много магометанских поселений, Севилью, разбили войско эмира. В Италию норманны пришли в IX веке. В 1016 году немногочисленный отряд норманнов-пилигримов, возвращавшихся из святой Земли, помог князю салернскому в борьбе с сарацинами, осаждавшими его город, и итальянцы, пораженные силой и храбростью викингов, стали приглашать их к себе на службу. С тех пор все новые и новые отряды скандинавских воинов прибывали в Южную Италию, и им вскоре удалось создать там маленькое норманнское владение, а некоторое время спустя Роберт Гюискар создал на Сицилии сильное государство. Встречались норманны и в Византии, где императоры высоко ценили их храбрость и силу и за это брали их в свои дружины. О приключениях викингов в Византии вы узнаете из романа «Норманны в Византии».

Содержание

К читателю	5
Глава I	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

К читателю

Плавая вдоль западного берега Франции, норманны стали проникать дальше на юг. В 844 г. викинги напали на поселения на Астурийском берегу, но были отбиты. Они разграбили много магометанских поселений, Севилью, разбили войско эмира.

В Италию норманны пришли в IX веке. В 1016 году немногочисленный отряд норманнов-пилигримов, возвращавшихся из святой Земли, помог князю салернскому в борьбе с сарацинами, осаждавшими его город, и итальянцы, пораженные силой и храбростью викингов, стали приглашать их к себе на службу. С тех пор все новые и новые отряды скандинавских воинов прибывали в Южную Италию, и им вскоре удалось создать там маленькое норманнское владение, а некоторое время спустя Роберт Гюискар создал на Сицилии сильное государство.

Встречались норманны и в Византии, где императоры высоко ценили их храбрость и силу и за это брали их в свои дружины.

О приключениях викингов в Византии и Южной Италии вы и узнаете из очередного тома нашей серии, куда вошли романы «Норманны в Византии» известного французского писателя Г. Леру, «Викинги на Сицилии» знаменитого барона А. фон Шакка.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

Глава I

Волшебный остров

Наступал холодный, туманный, бурный день. Слабый свет бледной зари едва скользил и разливался по сердитым волнам. Казалось, что сам Бальдр, отец света, нехотя, только на одно мгновение, решил расстаться с глубиной морской пучины.

Пользуясь коротким временем рассвета, жрец Имира вышел из храма и стал всматриваться в туманную даль.

Вокруг него все было пустынно и безжизненно, даже лишай не оживляли бесплодных гранитных скал голого острова. Птицы, водившиеся в изобилии на других островах Лофотенского архипелага, никогда не посещали этого дикого места. Огромные тюлени, выплывая подышать воздухом на поверхность воды, быстро ныряли в глубину, заметив горящий на острове огонек.

Живя в таком страшном одиночестве, служитель богов совершенно одичал, стал нелюдимым и тех, кто рисковал погибнуть в бурных волнах, бьющихся о гранитные выступы острова, чтобы только услышать предсказания оракула, встречал дикими проклятиями, угрожающе потрясая кулаками и ожесточенно кидая в них камнями. То были времена, когда на общем темном фоне насилия, господствовавшего в мире, самым черным пятном выделялся Север. Йормугандир, змей вражды, обвинившая весь свет, красовавшийся на щитах викингов и их сотоварищей. Отвратительная пасть его зияла на носу их ладей, яд отравлял реки, по которым ладьи эти ходили, он извергал пламя, пожиравшее христианские города, а кровавая слюна, разливавшаяся, как море отчаяния, по свету, колебала веру в сердца приверженцев нового учения, обещающего людям царство небесное, и заставляла их, в сомнениях, спрашивать: «Уж не лучше ли было бы разделить с поклонниками Локи господство на земле?»

Жрец Имира остановился на самом краю обрыва, одетый в странный, требуемый правилами культа костюм: большую шапку с наушниками, сделанную из шкурки черного ягненка; балахон из куницы и белого зайца, весь испещренный нашитыми на нем хвостами диких кошек; на ногах – высокие, из меха выдры сапоги, а вокруг шеи его развевались легкие перья гаги, сливаясь своей сверкающей белизной с его длинной, седой бородою. Опираясь на огромный посох из слоновой кости, весь исчерченный руническими письменами, стоял он, подняв руку, и как бы отталкивал ветер, с силой вздымавший волны, которые, разбиваясь об утес, обдавали старика брызгами белой пены.

Долго стоял он так и смотрел на бушующее море. Видневшийся на расстоянии человеческого голоса скалистый утес, казалось, то утопал, то вновь всплывал из-под белых гребешков волны. Остроконечная вершина его скрывалась в синеве тумана. Волны вздымались и, набегая на темные груды гранита, зловеще чернели, а потом, кружась и падая, блестели и искрились мелкими брызгами. В изменчивом полусвете тумана принимали они самые причудливые, фантастические формы, поднимались, прыгали, вертелись, как колдуны на шабаше, и когда, вскинувшись высоко, высоко с шумом и ревом ударялись о берег, тогда старый жрец дико хохотал им в ответ. Налюбовавшись дивной картиной бушующего моря, жрец пошел было обратно к храму, как вдруг до ушей его донесся резкий крик, шедший как бы из волн. «Это кричит чайка», – подумал он; но скоро должен был отказаться от своего предположения, так как среди жалобного воя ветра ему ясно послышались призывные звуки рога. В то же время у берега показался челнок, в котором стоял высокого роста мужчина, ловко работая веслом, чтобы предотвратить столкновение с острыми выступами утеса. Заметив старца, он бросил ему веревку, а сам легко перескочил на берег, причем бесчисленное множество погремушек, привешенных к поясу, плотно обхватывавшему его стройный стан, равно как и к браслетам

на руках, звенели как бубенчики. Во время прыжка ворот его рубахи распахнулся, и старик заметил на могучей груди татуированное изображение лодки. Он понял тогда, что перед ним стоит один из викингов.

Безмолвно смотрели они друг на друга.

Жрец не мог не заметить, что за выражением беззаветной отваги, сквозившей во всех чертах викинга, проглядывает полное спокойствие и отсутствие того суеверного страха, который охватывал даже самых смелых людей, когда они ступали на волшебный остров. Спокойствие это было, по всей вероятности, от напряженной мысли, поглотившей все внимание молодого человека. Казалось, что внутренняя, душевная работа сделала его нечувствительным к внешним впечатлениям. Удрученный этой работой, он скорее от усталости, чем из страха перед пристальным взглядом служителя грозных богов, опустил глаза.

Подняв, наконец, голову, он гордым и небрежным жестом указал на огромного лосося, лежавшего в лодке.

– Это все, что ты жертвуешь богу? – сердито крикнул старик.

– И вот это еще, – отвечал викинг, снимая со своей голой руки, покрытой громадными, выпятившимися мышцами, большой золотой обруч.

Взвесив в руках обручье и оставшись, по-видимому, довольным его значительным весом, жрец уже менее сурово приказал воину следовать за собой к капищу.

Массивные сосновые бревна составляли стены храма. Покрытый Целым рядом нагроможденных одна на другую крыш, из деревянных черепиц, соединенных между собою подобно петлям кольчуги и смазанных для предохранения от порчи дегтем, он блестел как бронзовый. Изображение двуглавого дракона возвышалось на самой верхней крыше.

При своем гигантском росте молодой воин должен был согнуться чуть не вдвое, чтоб войти в святилище. Оно было пусто, только вдали, на жертвеннике, сложенном из камней, тлел огонь, да посредине храма стояла большая медная чаша с водой, прозрачной, как кристалл. Входя в храм, старик прошептал какие-то непонятные слова, причем послушный его заклинаниям огонь тотчас же сильно разгорелся, а вода в чаше, до того совершенно спокойная, заколыхалась.

Без всякой боязни смотрел молодой викинг на совершающиеся перед ним чудеса и спокойно остановился перед чашей, в которой вода продолжала волноваться; а служитель асов поместился на седалище, сделанном из пня гигантской сосны, исчерченного разными надписями. Вдохнув в себя несколько раз дым, подымавшийся от огня, старик впал в забытие; глаза его закрылись, голова бессильно упала на грудь, так что он едва мог пробормотать:

– Что преследуешь ты? Добычу? Воин наклонил голову.

– Мести, мести жаждает ты!

– Я хочу знать, – сказал воин, – куда должен я идти, на сторону ли заката или восхода солнца, чтобы найти ее?

Окруженный клубами дыма, жрец размышлял. Викинг же, сообразно господствовавшему тогда поверью, напряженно сосредотачивал мысли на своем желании, стараясь этим направить и поддержать в предсказателе силу ясновидения.

А снаружи бушевала буря, потрясая крышу храма и раскачивая изображение двуглавого дракона на ней.

Жрец продолжал:

– Вижу, вижу седьмую волну... Вот она, как высока, как волшебна, таинственна! Вот она катится... Вот подступает к твоим ногам... Скорей, скорей нагнись, зачерпни рукой и выпей, это – целебный напиток!.. Он даст тебе знание... Ну, так. Теперь иди ты в лес, туда, в самую непроходимую чашу, к фьорду, в котором приходят купаться лоси. В лунную ночь подстереги их; пусти метко стрелу – и вот один убит... он лежит уже на земле. Считай отростки на его рогах, и если они будут парными, иди к восходу. Если же будет непарное число, иди к закату

солнца. Иди, иди, в твоих она руках. Мечь, освежающая как утренняя заря, кровавая как костер Бальдра!

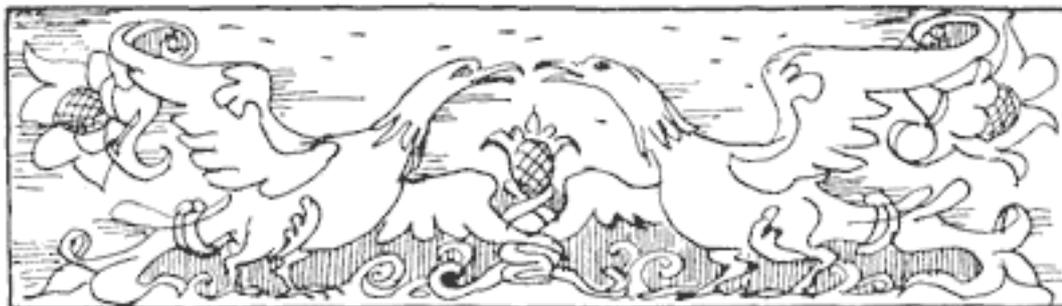
Огонь уже давно погас и вода стала по-прежнему спокойна, когда жрец открыл глаза, сошел с седалища и, подойдя к воину, спросил:

– Как твое имя?

– Дромунд.

– Желает ли ты, чтобы бог еще чем-нибудь проявил свое могущество?

Выйдя затем из святилища, жрец ударил своим посохом из слоновой кости о землю. В ту же минуту из углубления, оставшегося от удара жезла, вырвался резкий звук, будто заключенный в скале гигант с пронзительным свистом дышал в это отверстие, из которого вслед затем стали подниматься клубы белого, горячего пара и, постепенно сгущаясь, они образовали туман, скрывавший от взоров викинга как сам храм, так и его служителя. Тогда Дромунд пошел обратно к краю скалы, где находилась его ладья, прыгнул в нее и одним сильным поворотом весла направил свой путь навстречу буре.

Глава 2 «Золотой Дракон»

Старая вражда, существовавшая между потомством Харальда Прекрасноволосого и Йомсбургскими викингами, прекратилась к тому времени, так что Хакон, гроза восточных морей, мог зайти в гавань Трондхейм, чтобы исправить повреждения своего судна.

В своих палатах, расположенных на берегу фьорда, конунг Трюггви Славссон и его супруга Астрид с почетом приняли дорогого гостя. Устроили в честь его целый ряд роскошных пиров, на которых подавались рога с пенистым медом и жарились на гигантских вертелах целые туши лосей.

Оживленно и весело пировали гости. Шум веселья доносился до гавани, на которой работали над подчинкой судна норманнские плотники. По громадным оструганным сосновым бревнам они выкатили на берег «Золотого Дракона».

Это было судно такое большое, что подобного ему еще не видывали на Западе. Оно ходило и на веслах, и на парусах, вмещающая в себе сто человек, не считая гребцов. Все страшились его, как сверхъестественного чудовища, и трепетали даже за стенами городов. Обитатели Аландских островов, Эзеля и Даго, обращались с мольбой о защите к асам, лишь только его грозный нос показывался на горизонте, а жители Фарер воспевали его в своих сагах.

Относясь с уважением и трепетом к этому гиганту, Трюггви приказал для починки его привезти из Нидароса знаменитого мастера Торберга Строгалу, который слыл за человека, обладавшего тайной заклинаний, заставляющих легко сгибаться доски и придающих особенную силу и прочность судну.

Работа кипела на «Золотом Драконе». Отовсюду слышалось визжанье пил и грохот молотков, так что мастер из Нидароса едва успевал следить за рабочими. Спеша дать какое-то указание, он шел с одного конца судна на другой, как вдруг почувствовал, что кто-то берет его за плечо. Быстро обернувшись, он радостно вскрикнул:

- Дромунд! Ты откуда?
- С западных морей, Торберг.
- А куда направляешь свой путь?
- В сторону Востока.
- Зачем это тебе нужно?
- Так приказал бог. Получилось парное число... на роге убитого при луне лося...
- А твой брат Эрик?

Дромунд не ответил и задумчиво стал слушать стук молотков, колотивших по бортам судна.

– Боги указывают тебе бревно, в которое можешь ты вколотить гвоздь, – тихо проговорил Торберг и потом спросил: – С каким же конунгом думаешь ты отплыть?

– Я бы желал, чтоб Хакон позволил мне плыть на «Золотом Драконе», – отвечал Дромунд.

– Он возвращается в Йомсбург, в сторону Вендов, а это – дверь, через которую я должен пройти, чтобы достигнуть великого греческого пути.

Пока приятели беседовали, прибыл на судно Хакон.

Тончайшая кольчуга, нисколько не стеснявшая движений, красиво обрисовывала его могучий стан; прикрепленная к плечам шелковая мантия большими складками падала сзади; вороненой стали шлем, с возвышающимся на нем золотым драконом, украшал его гордую голову. Все находили Хакона красавцем и любовались его длинными усами, сильными голыми ногами и руками.

Увидав свое любимое судно, красиво покачивавшееся на волнах, таким обновленным, таким блестящим, Хакон с радостным криком крепко прижал к своей широкой груди Торберга. Потом снял со своей руки самое дорогое кольцо и, отдавая его мастеру, в избытке чувств сказал:

– Чем могу я еще тебя отблагодарить? Скажи, я исполню всякое твое желание.

– Я просил бы, чтобы ты дал позволение моему товарищу Дромунду проплыть до Йомсбурга на «Золотом Драконе».

Викинг Хакон грозно нахмурил брови и, указав на крест, нарисованный на своем щите, спросил:

– А он христианин? Преклоняется ли он пред этим изображением?

– Я служу великим асам! – запальчиво ответил ему Дромунд. – И в день, когда окончу свою жизнь, Валкирия подаст мне кубок.

– Ну, в таком случае ступай на корму и ухаживай за моей собакой! Я поклонялся древом святого креста в том, что ни один язычник не будет никогда держать весла на моей ладье. И я охотнее пролью свою кровь в море, чем заслужу упрек в нарушении клятвы. Но Торберг тоже должен быть удовлетворен. Я обещал ему исполнить все, что он пожелает, и не возьму своего слова назад. Для него я беру тебя под свою защиту.

Дромунд побледнел от такого оскорбления и произнес:

– Тебе, викинг Хакон, не прошло бы это так безнаказанно, если б мои руки не были связаны. Но Дромунд не свободен больше: он принадлежит мести. Эта месть теперь служить тебе лучшей защитой, чем твой щит. Из-за нее я принимаю предложение, которое ты мне делаешь. Я буду так ухаживать за твоей собакой, как если б это был волк Фенрир, который в день светопреставления пожрет солнце и погрузит в вечный мрак поклонников учения Белого бога.

Гордо взявшись за меч, проговорил все это Дромунд, вполне готовый поплатиться сейчас же за свои слова жизнью.

Но Хакон, любивший смелость в людях и находившийся в это время в особенно радостном настроении, только посмеялся этому и удалился в сопровождении Торберга.

В то утро, когда «Золотой Дракон» должен был покинуть Трондхеймский фьорд, море было так тихо и ясно, как будто хотело поспорить своей спокойной красотой с великолепием прощальной процессии.

Конунг Трюггви и супруга его Астрид с дружиной сопровождали гостей в легких ладьях.

Весь фьорд был покрыт разукрашенными судами. Испуганные таким невиданным зрелищем, пасшиеся по берегам стада коров убежали на вершины гор. При входе в открытое море все сопровождавшие Хакона суда приспустили, в знак прощального приветствия, свои флаги; после чего «Золотой Дракон», повернув на юг, пошел полным ходом, постепенно скрываясь из вида.

Нос этого величественного судна украшала громадная голова чудовища Йормугандира, которая соединялась с бортами шеей, покрытой чешуей из массивных золотых пластинок. А на корме, над рулем, из таких же золотых пластинок был приделан хвост, скользивший по поверхности воды и управлявший ходом ладьи.

На всех парусах, под блестящим северным солнцем, шло в открытое море это великолепное судно, представляясь одним из тех видений, которые восстанут в те дни, когда царство асов проявится в своем полном величии.

Сойдя с палубы, Дромунд отправился в трюм и подошел к кучке людей Хакона, ожидавших своей очереди грести. Все они были родом из Ютландии и ближайших островов.

Голубоглазые, рыжеволосые, они хотя и были крещены по воле своего предводителя, но стремились только к разбою и грабежу. А религия, запрещающая всякое насилие, раздражала и приводила их в ярость.

Между прочим, они передавали друг другу самые чудесные истории, слышанные от тех, кто побывал в Византии. Небо там, говорили они, синее, как сапфир; золотые купола, блестящие процессии, атлетические игры, яркое солнце и много вина. Нельзя ли проехать морем в эту чудесную Византию? – спрашивали они. Пусть бы «Золотой Дракон» перенес нас туда, чтоб хоть раз вдоволь упиться вином и кровью, раньше чем настигнет смерть. С завистью вспоминали они своих товарищей, побывавших в Византии. Добравшись туда хоть и на плохих, дырявых ладьях, эти последние поступали в императорскую гвардию, жили во дворцах, пили сколько хотели вина и меда. Каждый день дрались они с черными людьми, приезжавшими откуда-то на кораблях. А в конце концов возвращались опять на Север с огромными богатствами, говоря на чудном языке, которого никто не мог понять.

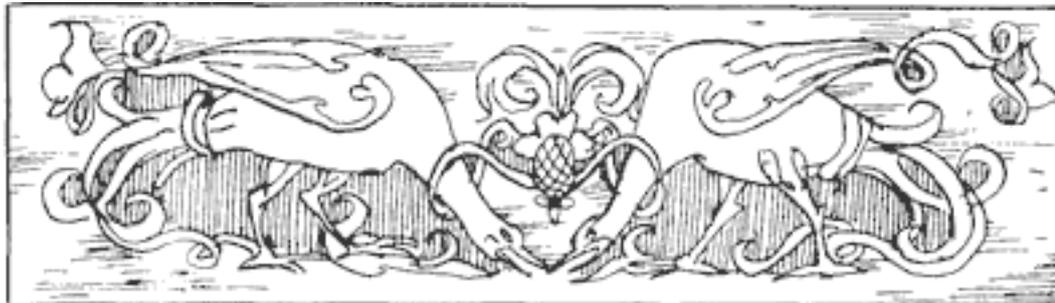
Наслушавшись таких необыкновенных рассказов о золоте, солнце, вине и крови, Дромунд совсем позабыл о цели своего путешествия и с восторгом предался мечтам об ожидающих его пирах и обогащении. Но вдруг, как бы разбуженный мыслью о мести, он содрогнулся от такого падения, и датчане стали ему так противны, что он, не сказав ни слова, встал, позвал собаку Хакона и ушел на нос.

Была уже ночь, и при свете восходившей луны фантастично вырисовывалась на палубе гигантская, страшная тень собаки. Громадный, серый датский дог, подняв свою свирепую пасть, глядел на звезды и выл.

Дромунд взглянул на него с суевренным страхом, думая, что перед ним находится сын Локи и Ангрбоды.

– Фенрир, – шептал он вполголоса. – Фенрир, скажи, верный ли путь избрал Дромунд?

Сердито поглядела на него собака свирепыми глазами и, подняв опять морду кверху, стала ожесточенно лаять на луну.

Глава 3

Греческий путь

Прошло уже больше восьмидесяти лет с тех пор, как новгородцы, угнетаемые азиатскими племенами, призвали к себе могучего Рюрика.

По его примеру многие из знатных варягов переправились через Балтийское море и, чтоб не возвращаться опять назад, даже сожгли свои суда. По течению Днепра и Дона, между Болгарией и землей печенегов, основывали они княжества, существовавшие только насилеиом, обогащавшиеся грабежом; эти княжества росли и гибли сообразно предприимчивости своих вождей или просто благодаря капризу случая.

По их землям, из глубины Азии, тянулись караваны с разными восточными товарами, с богатейшими узорными коврами. До самого Мемеля доезжали послы калифа Багдадского и других властителей Востока за знаменитым желтым янтарем, исключительно находимым на берегах Балтийского моря. За дорогую цену выменивали они его, оплачивая, кроме того, право проезда туда и обратно. Янтарь считался у них обладающим чудесной магической силой; исцелял всевозможные болезни, возбуждал любовь и возвращал старикам юность.

По непроходимым лесам и необозримым степям пролегал этот великий торговый путь на восток, по которому лились то волны золота, то волны крови.

Окончив плавание по Балтийскому морю, проехав Вислу и Минские болота, Дромунд на этом пути стал встречать отряды людей, говорящих, как и он, по-варяжски.

Эти люди не везли с собой никакой утвари, даже котла для варки пищи. Они довольствовались кониной или какой-нибудь дичью, поджаренной на горячих угольях. Спали на голой земле, без палаток, подложив свои седла под головы и подостлав звериные шкуры.

Все они были широкоплечие, с бычачьими шеями, голубыми глазами, густыми бровями, длинными усами. Некоторые из них оставляли на бритых головах длинный чуб в знак благородного происхождения, а в одном ухе носили продетое золотое кольцо, украшенное драгоценным камнем или жемчужиной.

Дромунд узнал, что они составляли часть дружины киевского князя Святослава, сына княгини Ольги, принявшей христианство. Они звали его поступить в эту дружину и рассказывали про свои набеги на печенежские земли. Как много доставалось добычи на долю каждого! Какое раздолье страстям! Никто не препятствовал воинам резать и распинать пленников, сажать на кол женщин, вешать детей вниз головой, превращая их в мишень для стрел.

Дромунд притворялся, что охотно принимает их предложение, дошел с ними до Печерской горы под Киевом; но тут, достав себе челнок, тайком покинул своих товарищей, пока они отдыхали, и пустился плыть по течению реки.

Проплыв два дня и две ночи вдоль восточного ее берега, он встретил странного устройства ладью, плывшую на веслах вверх, против течения, к столице Ольги.

Похожая на форме на башмак, с высоко поднятыми концами, причем передний был сильно заострен, ладья эта, выдолбленная из одного толстого бревна, была так глубока, что в ней свободно помещались двенадцать человек.

Такие ладьи руссы обыкновенно брали с собой в походы и при всяких затруднениях в плавании – порогах, крутых поворотах реки – вытаскивали их из воды, взваливали себе на плечи и продолжали путь через леса и степи вплоть до того места, где река опять становилась судоходною.

Всмотревшись пристальнее, Дромунд ясно различил в ладье восемь человек гребцов, по-видимому руссов, и еще двух вооруженных копьями людей, между которыми сидел на подушке великолепно одетый человек и держал на коленях свитый в трубку пергамент. Кормчий же,

который стоял на заднем конце ладьи и управлял рулем, не был в шишаке, как остальные руссы; его голову покрывал такой же двурогий шлем, прообразующий для норвежцев змея Иормундандура, какой носил и сам Дромунд.

Сильно налегая на руль, кормчий этот запел по-норвежски:

До начала веков, когда жил божественный Имир, не было ни океана с его песками и студеной водой, ни земли, ни неба, а везде и повсюду одна темная бездна.

Услышав песню, священную для его родного края, Дромунд забыл всякое благоразумие и, вместо того чтобы спрятаться поглубже в тростники, он одним сильным ударом весла выплыл на середину реки и, стоя в своем легком челноке, во весь голос запел:

Когда жил божественный Имир.

Испуганные этим, руссы тотчас же опустили весла; двое вооруженных людей, бывшие в ладье, угрожающе схватились за копья, а великолепно одетый человек, который сидел со свитком в руках, тревожно взглянул на кормчего.

Строго сдвинув брови, последний спросил Дромунда:

– Ты, отвечающий таким образом на мою священную песнь, кто ты такой?

– Сын северных фьордов! – отвечал Дромунд.

– Ты идешь из Норвегии?

– Я покинул ее с наступлением зимней ночи.

– А куда ты направляешься?

– В Византию.

– Один, в этом челноке?

– Жрец направил мой путь.

– Скажи лучше, что оракул направил тебя к нам навстречу, так как сам Тор не прошел бы один те пороги, которые мы прошли.

– Моя судьба уже определена.

– Не хочешь ли разделить с нами нашу?

– Но вы идете на Север.

– Мы завтра же возвратимся.

– И отправитесь опять на ночь?

– В Византию.

– Значит, сами асы посылают мне вас, – воскликнул Дромунд и, ухватившись за борт ладьи руссов, прыгнул в нее, несмотря на то, что сидящий на подушке человек продолжал недоверчиво его оглядывать.

Это был один из посланников, которых будущий император Византийский, Роман, поспешил послать по всем государствам, узнав его, автократор Константин, прозванный Багрянородным, не увидит новой луны.

Под предлогом просить друзей молиться о здоровье автократора, Роман разослал таким образом по миру всех патрициев, знатных вельмож и придворных, по своему сану достойных такого поручения. Иностранцы, государи, правители отдельных областей, полководцы армий, начальники крепостей и флота, как Средиземного, так и Адриатического, были предупреждены, что скоро предстоит перемена императора.

В память дружеских отношений, которые существовали между княгиней Ольгой и умирающим теперь базилевсом, Роман отправил к ней, в ее отдаленную столицу Киев, своего протоспафария, с письмом, написанным золотыми письменами, одна печать которого весила восемнадцать золотых. В этом письме просил он варяжскую княгиню, которая в царствовании Константина не побоялась приехать в Византию для того, чтобы принять святое крещение от патриарха Полиевкта, молиться за своего отца. Но в то же время будущий автократор хотел предотвратить волнения и устранить какие-нибудь дерзкие надежды, которые могли явиться

у беспокойных и смелых руссов при вести о перемене императора. Поэтому он обещал Ольге оказывать ту же поддержку, какую она пользовалась в Византии в царствование Константина.

Но все эти подробности были, конечно, неизвестны норвежскому гиганту, правившему рулем. В немногих словах объяснил он Дромунду, что находится на службе в Византии, в дворцовой страже, под начальством норманна Ангуля, что имя его Харальд, Харальд Докели, и что его, как искусного кормчего, много плававшего по Днепру, когда он раньше служил по найму у одного важного боярина, русса, назначили сопровождать в Киев посланника.

– Если бы ты пожелал вступить на службу в наш отряд, – прибавил он, – то тебя охотно бы приняли, так как новый базилевс не очень-то доверяет византийцам, предпочитая им норвежских волков, и щедро оплачивает нашу службу.

– В отряд Ангуля? – переспросил Дромунд, склоня голову.

– Да, Ангуля, который раньше плывал с викингами.

– Давно ли он покинул ладью, чтобы принять командование императорской стражей?

– Около двух уже лет, – отвечал Харальд.

– Около двух лет... – повторил Дромунд.

Задумчиво смотря на исчезающие следы ладьи, он мысленно уносился в прошлое.

Глава 4

Царица Мира

Таким образом Дромунд вместе с послем доплыл до города Киева. Миновав предместье хазар, он достиг холма, на котором возвышался деревянный дворец. В этом дворце ему удалось даже увидеть княгиню Ольгу, в то время когда ей преподносили императорскую буллу. Но несмотря, однако же, на новую обстановку и на интересные зрелища, он почувствовал себя довольным лишь тогда, когда ладья опять стала скользить по волнам Днепра и перескакивать через пену порогов, самые названия которых указывали на страх, внушаемый ими путешественникам: «Не спи!», «Гремящий», «Ненасытный»...

До самого Босфора быстро плыла ладья по глубоким водам Понта Эвксинского. Яркое солнце весело играло в его легкой зыби, а белоснежные облака, плавая на голубом фоне неба, красиво отражались в воде. По мере приближения к Босфору посланник стал резче и самоувереннее относиться к команде, так что Харальд заметил вполголоса:

– А видно, что мы ближе к Византии, чем к Киеву...

На утро, среди легкого тумана, поднимающегося с Пропонтиды, показалась, как бы всплывая из воды, царица мира – Византия.

Целый лес мачт, разных размеров и форм, загромаждал порт Буколеона. Через сеть снастей Дромунд различил окруженный зеленью садов двуглавый купол большого дворца. Громадный траурный флаг развевался на нем, то открывая, то закрывая золоченую крышу и как бы выражая этим, точно жестами отчаяния, глубокую печаль всего города, оплакивающего смерть базилевса.

По вымощенной тенистой аллее роскошного сада Дромунд со своим товарищем-варягом спешили добраться до дворца, так как они пристали к Буколеону в такое время, что могли еще застать и посмотреть начальную церемонию погребения Константина Багрянородного.

– Мы увидим процессию, – сказал Харальд, – с террасы Кабаллария.

Это был императорский манеж, в котором, под присмотром избранных варягов, содержались любимые лошади базилевса и тех послов, которые приезжали к императору со всех концов света.

Как и всюду кругом, толпа народа была здесь громадна, но перед Дромундом и сопровождавшим его воином она расступилась, давая им свободный проход. Они подошли вовремя, чтобы увидеть погребальную процессию, выходящую из ворот дворца.

Целых два дня перед тем придворные врачи, евнухи, хитонаты и кубикюлярии были заняты тем, что обмывали, наполняли благовонными травами и раскрашивали тело покойного. Наконец, приведя его в надлежащий вид, они с воплями и стенаниями вышли из дворца, а за ними следовало тело базилевса, положенное на траурный катафалк, блестящий, как яркое солнце.

Привыкший к простому погребальному обряду, совершаемому над умершими конунгами, при котором тела их, украшенные лишь рубцами от полученных в бою ран, сгорая на костре, разложенном посредине палубы, исчезали в облаках дыма, Дромунд с удивлением смотрел на эту церемонию.

Лицо покойного было раскрашено самыми живыми красками, борода расчесана волосок к волоску. Золотая с эмалью диадема украшала величественное чело его. Блестящая золотая порфира покрывала бранные останки. А ноги, в высоких пурпуровых сапогах, покоились на подушке, изукрашенной жемчугом.

Харальд и Дромунд присоединились к кортежу, сопровождавшему через внутренние дворы дворца тело базилевса в парадный триклиний. В конце последнего для тела базилевса был приготовлен помост.

Два стража, не смея переступить порога триклиния, неподвижно стояли, вперив глаза в виднеющиеся подошвы пурпуровых сапог, да наблюдали за удивительным блеском диадемы, которая, будучи освещена огнем висячей лампы, как ореол разливала свои радужные лучи. И среди всего этого великолепия пурпура, самоцветных камней и золота покоилось лишенное внутренностей, набитое травами, почти высохшее уже тело самодержца.

Когда все участвующие были на назначенных распорядителями местах, оглушительный звук труб возвестил о прибытии императора, спешившего отдать последний долг покойному отцу, после которого занял он престол свой.

Базилевс Роман Второй ко дню смерти отца достиг уже двадцати одного года.

Шестилетним мальчиком в праздник Пасхи, по желанию Багрянородного, был он коронован и принужден принимать участие в делах управления государством.

Склонный больше к охоте и игре в мяч, он мало интересовался изучением руководства к политической науке, нарочно составленного для него покойным базилевсом.

Когда Роман вошел в триклиний, то громадная толпа народа и придворных так заслонила его и его жену, что Дромунд, несмотря на свой высокий рост, увидел только рядом два профиля в коронах, как бы изображенные на медали. Одно лицо – интеллигентное и хотя очень еще юное и безбородое, но уже поблекшее от излишеств, и другое – лицо молодой женщины поразительной красоты, тонкие и правильные черты которого дышали такой гармонией, что возбуждали всеобщий восторг.

– Слава! Слава! Роману слава! Теофано слава! – кричала жаждавшая богатых милостей от нового базилевса толпа, как будто бы все присутствовали не на похоронах, а находились на зрелище в цирке.

В это время толпа была отодвинута к стенам триклиния сильным натиском конвоя из варягов и других народностей. Этот отряд, как стая верных псов, всюду следовал за базилевсом. В состав его входили – и наголо бритые болгары, и хазары, и печенеги, одетые в грязные звериные шкуры, и руссы, в шлемах с шишаками, подобные тем, каких встречал Дромунд на великом греческом пути. Не видя среди них норманнов, он с удивлением спросил своего товарища:

– Что же нет наших?

Но Харальд был слишком поглощен старанием не отстать от процессии и добраться до церкви Всех Святых, где предполагалась раздача милостыни народу.

– Идем, идем, – отвечал он, увлекая за собой Дромунда. Кортёж подходил к церкви.

Дворцовые певчие пели дрожащими прочувствованными голосами погребальные гимны. Все улицы, перекрестки, портики благочестивой столицы были изукрашены дорогими материями. Вся дорога покрыта зеленью, ветками и золотым песком. Отборная стража из руссов, армян, скандинавов, венецианцев и амальфитян стояла вдоль нее шпалерами, держа в руках кривые сабли, обоюдоострые алебарды, копыя и луки. Большая часть этих воинов была лично известна покойному императору, пользовалась его благоволением и получала от него подачки. Поэтому, во время шествия похоронной процессии, отборная стража выражала свое горе такими громкими и дикими криками, что испуганные лошади кортежа кидались в сторону.

Перед входом в церковь Дромунд был охвачен суеверным страхом при виде духовенства, выходившего навстречу, чтоб благословить тело покойного.

Во главе старцев в золотых одеяниях, с бородами, доходящими до пояса, и распущенными по плечам густыми волосами шел патриарх Полиевкт. Он был духовником Багрянородного, и он же обратил в христианство княгиню Ольгу. Только одна из всех тут присутство-

вавших базилисса Теофано подняла голову и могла спокойно выдерживать необыкновенно пронизательный взгляд благочестивого монаха.

Все духовенство разместилось около патриарха и образовало полукруг у изголовья катафалка.

В ногах покойного стоял великий евнух с белым жезлом в руках. Он следил за всем происходящим, распоряжался церемонией последнего прощания с усопшим и допускал, смотря по чину и рангу, кого только до поклона, кого только до целования руки.

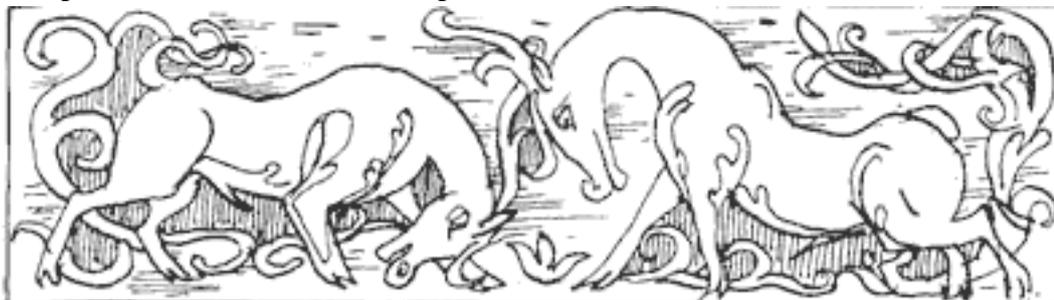
Когда все отдали последний долг покойному, главный распорядитель погребальной церемонии выдвинулся из-за колонны и громовым голосом воскликнул:

– Выходи базилевс! Царь царствующих и Господь господствующих тебя призывает.

Это служило сигналом для взрыва всеобщей скорби. Загремели серебряные трубы органа; волны дыма аравийского ладана как туманом наполнили весь собор; пение придворного хора то раздавалось жалобными печальными стенаниями, то бурным воплем и отрывистыми восклицаниями возносилось к сводам храма, а бесчисленная толпа народа, наполняя улицы, дворцы, террасы, сады, палубы ладей, потрясала воздух отчаянным криком, доносившимся по воде Босфора до азиатского берега.

Потом толпа обратила свои жадные взоры и приветственные восклицания прирожденных рабов к новому самодержцу, от которого ждала удовлетворения вечной своей жажды «хлеба и зрелищ», свойственной несчастным, лишенным инициативы и потому неспособным выбиться из самой жалкой нищеты.

Части стен рушились под напором зрителей. Оставшиеся на ногах ходили, как по какой-нибудь насыпи, по теплым трупам упавших. Всякому хотелось быть поближе к молодому самодержцу, встретиться с ним глазами и обратить на себя его внимание.

Глава 5

Варяги

Берега Средиземного моря в то время содрогались от постоянных разбоев сарацинов, которые дошли до такой дерзости, что безнаказанно разоряли даже города, подрывая тем веру в могущество Византии. Острова архипелага, берега Греции и Азии особенно страдали от их набегов. Непрístupная греческая цитадель Хандакс на острове Крит, была взята ими и превратилась в громадный притон разбойников, куда, как на базар, стекались богатства всего Востока. Пираты вели там открытый торг христианскими невольниками, а поставщики гаремов приезжали туда запастись живым товаром.

Измученный таким насилием и грабежом, народ возлагал все свои надежды на юного самодержца, надеясь, что он отомстит туркам и прекратит их набеги.

Желая успокоить своих подданных и, кстати, удалить из Византии распущенных наемников, державших в страхе всю столицу, Роман придумал снарядить в Средиземное море экспедицию. Начальство над нею он поручил знаменитому полководцу Фоке, который в это время только что прославился своими победами в Малой Азии, на сарацинской границе.

Роман дал ему титул сиятельнейшего господина, главнокомандующего армиями Восточной провинции, и приказал немедленно организовать экспедицию на Крит.

Эта новость с восторгом была принята и во дворце, и в лагере. Воины любили Фоку за то, что он делил с ними их труды и опасности. Они складывали в честь его даже свои хорошие песни. Самая горячая конкуренция возникла среди варварских гетерий, когда узнали, что император предоставлял право сиятельному Фоке по своему усмотрению составлять из наемников свою армию. Все мечтали о громадных богатствах, собранных в Хандаксе, и уже видели себя возвращающимися на свою далекую родину, загромождавая несметной кладью Великий греческий путь.

Только в норманнском стане было страшное недовольство, когда узнали, что базилевс исключил из числа этих счастливых всю скандинавскую дружину с их начальником Ангулем.

Привыкший к строгой дисциплине, Дромунд изумлялся распущенности своих земляков.

Варяги, как разъяренные волки, сновали по Кабалларию. Во все горло пели они на своем родном языке оскорбительные для императора песни, а по ночам забирались в сады и нижние кварталы Буколеона, где буянили и бесчинствовали.

По старой традиции, византийские императоры все прощали своей любимой дружине. Базилевс только смеялся, когда кто-нибудь из придворных доносил ему о проделках, совершаемых по ночам, под воздействием вина, этими варварами. Он хорошо знал, что дикая свора норманнских волков, слушавшаяся своих начальников только во время битвы, моментально стихала и переставала выражать какое бы то ни было недовольство при одном виде самодержца. Его радовала уверенность в том, что эти буяны ежеминутно были готовы своей могучей грудью прикрыть его трон. И в награду за такую верность базилевс отдавал в их распоряжение Византию, как какой-нибудь покоренный город.

Но за удовольствие императора приходилось дорого платить жителям Царицы мира, в особенности содержателям питейных заведений и мужьям. По преданию, самые знатные византийки и даже те, которые были приняты в императорском гинекее, не отказывались участвовать, наряду с разными женщинами из низов общества, в ночных похождениях варягов.

Соскучившись жить среди изящных, изнеженных мужчин своего круга, эти дамы искали по ночам новых, сильных эмоций в Буколеоне.

В гавани, против судов, которые привозили из страны руссов громадные транспорты хлеба, варяги устроили обширную пивную И там, в честь асов, выпивали рога с пенистой брагой.

Опьяненные, забывали они прелести греческого моря, лазурь небес, легкость своей жизни, и из глубины их широкой груди вырывались гимны, полные мрачного отчаяния, или меланхолично звучали грустные песни любви.

Дромунд слушал их с напряженным вниманием и, казалось, подстерегал тайну, могущую быть высказанной одним из этих людей в пьяном виде. Он жил среди них не как товарищ, с открытой для всех душой, но как притаившийся охотник, выслеживающий добычу.

Благодаря присущей людям его племени способности быстро запоминать, равно как и врожденному музыкальному слуху, Дромунд уже начал почти хорошо говорить на мелодичном языке византийцев. Даже на египетском наречии он мог отвечать на вопросы пристававших к нему девиц, которые торговали своей красотой.

Но Дромунд оставался холоден, как кусок льда, который не могли растопить самые жаркие лучи солнца, и ни игры, ни любовь не затрагивали его души, там царила только одна занимавшая его мысль.

Однажды, когда он стоял на часах у дверей триклиния, Харальд сказал ему:

– Когда больной чувствует, что легкие его переполнены кровью, то он велит пустить себе кровь, и это его облегчает. Не решился ли ты так же излить свою печаль?

Дромунд, продолжая грустно смотреть в землю, ответил:

– Ну, хорошо, я поделюсь с тобой моим горем. Два года тому назад при входе во фьорд я нашел тело моего милого брата. Оно еще содрогалось в предсмертных судорогах от полученной в спину раны. Убийца унес с собой мечь...

– Ты предполагаешь, что твой враг служит в варяжской дружине? – спросил Харальд.

– Жрец сказал мне это.

– Какой знак был на мече твоего брата?

– Рукоятка его, – отвечал Дромунд, – представляет собой медвежий коготь.

При этих словах брови Харальда нахмурились, и Дромунд, заметя это, воскликнул:

– Ты знаешь этого человека?

Причем от злобы и горя у него выкатились из глаз две слезы, тяжелые, как свинец.

Харальд отвечал с невольной осторожностью:

– Да, он находится среди варягов, но слишком высоко стоит, для того чтобы ты мог достать его.

Глава 6

Медвежий коготь

По традиции, исстари существовавшей в Византии, каждый самодержец должен был по прошествии трех месяцев после вступления на престол делать смотр своей армии. Это торжество давало случай базилевсу превзойти щедростью своего предшественника.

Роман тоже намеревался воспользоваться этим парадом, чтобы щедрыми подарками навсегда упрочить за собой верность варяжской дружины. В порыве гнева он сместил благо разумного Сициния, предложившего ему быть экономнее.

На его место Роман назначил одного бесчестного монаха-расстригу, Иоанна, прозванного Хэриной. Этот ловкий человек хорошо понимал, как легко может нажиться организатор народного праздника, распоряжающийся подарками, украшениями и продовольствием народа. Хэрине, например, была вручена базилевсом модель щита, окованного серебром, а из его рук варяжская дружина получила щиты, у которых стальная оправа заменила более драгоценную.

Утром, в день предполагавшегося праздника, весь норвежский стан был очень озабочен приготовлениями. Всякому хотелось явиться на парад в блестящем вооружении. Большинство носили вороненой стали кирасы, наручи из золоченой меди и такие же шлемы с Шишаками.

Освещенное лучами солнца, их вооружение было так ослепительно, что вся дружина сливалась в одно общее сияние и казалась каким-то чудовищным драконом, извергающим пламя.

Развеселившиеся от приготовлений к празднику, воины пели песни и демонстрировали друг другу боевые приемы, возбуждая себя воинственным криком. Некоторые, особенно искусные в стрельбе, забавлялись тем, что пускали стрелы в тело мертвого раба, отнятое у могильщиков. Каждое меткое попадание приветствовалось радостным восклицанием.

В стороне от толпы, соединенные взаимной клятвой помогать друг другу, сидели Дромунд и Харальд, ожидая удобного момента для отмщения.

Порешивши с делом, которое было главным вопросом их жизни, они не хотели ни о чем больше говорить и молча предались каждый своим мыслям. Они думали о битвах, о героической славе, и нередко среди представляющихся картин войны им вспоминалась их далекая родина. Но мысль о мести, обещающая блаженство рая, которое они уже предвкушали, наполняла главным образом их героические сердца.

Когда под сводами Кабаллария раздались звуки рога, призывающие в ряды воинов, то Дромунд и Харальд содрогнулись, как будто это был уже призыв валькирий, открывающих им дверь на небо.

Начальник норманнской дружины Ангуль был ростом много выше своих товарищей. В последние годы царствования Багрянородного он прибыл вместе с другими скандинавами по Великому пути в Грецию, не имея с собой ничего, кроме туники из звериных шкур да бедного вооружения.

Поступив в отряд Фоки, сражавшийся в Малой Азии, он успел там отличиться, а по возвращении из похода стал пользоваться щедрыми подарками одной знатной госпожи. Чтоб ей понравиться, он расстался со своей курткой из кожи моржа и стал надевать под кирасу короткий дибетезий, а наброшенный на плечи разноцветный плащ наполовину прикрывал его щит.

Он был суров нравом и беспощаден; воины про него говорили: «Ангуль – это настоящий сын Локи... Он более коварен и хитер, чем храбр».

Настал, наконец, момент появления императора. Колесница, в которой Роман приехал на смотр, изображала собой квадригу Аполлона. Базилевс стоял на ней во весь рост, опираясь правой рукой на пику, рукоять которой была обвита пурпуровой тканью.

Литая золотая корона, с горевшим на ней, как звезда, громадным рубином, венчала его голову.

Другой, не меньшей величины, рубин пристегивал светло-лазуревую мантию, под которой была надета темная, как аметист, хламида.

Золотыми пряжками, золотыми наручами и поясом перехватывалась туника. Мелкие жемчужные пуговицы застегивали до самых колен его пурпуровые сапоги. Роман сделал сначала смотр своей коннице, состоявшей из венгров, печенегов, хазар, руссов и тавроскифов.

Ржание горячих диких коней было так оглушительно что прирученная пантера базилевса, которая всюду следовала за ним, как собака, с испуга поджав хвост и замечая им песок, бросилась бежать в сторону.

Но когда самодержец достиг порога Кабаллария и приветствовал свою верную норманнскую дружину, то такой неудержимый взрыв энтузиазма охватил этих до безумия поклонявшихся ему воинов, что двое из них, в знак преданности, выдвинулись вперед из рядов, и пронзили собственным оружием себе сердца. А вся дружина в это время неистово кричала свое грозное «barritus», которое когда-то на дальнем Севере испугало даже римлян.

Громче всех кричал Ангуль:

– Честь самодержцу! Да предшествует ему слава! Да сопутствует ему щедрость!

При этом он так подобоострастно изгибался и протягивал вперед своей шлем, что Роман снял со своей руки драгоценное кольцо и бросил его в шлем.

Наконец, колесница выехала из Кабаллария, а громкие крики, усиленные этой монаршей милостью, все еще продолжались. Не слушая команды начальника, все норманны кинулись через дворы, портики и лестницы, чтоб посмотреть еще раз на императора.

Этой минутой воспользовался Дромунд, чтобы напасть на Ангуля, который забавлялся примериванием на свои пальцы императорского подарка. Услышав, что его спрашивают по-норвежски, он обернулся, сурово сдвинув брови.

– Одно только слово! – сказал Дромунд. – Знаешь ли ты, что скандинавские волки все равны между собою?

Гордо подбоченясь, Ангуль отвечал:

– Да, я знаю это. Что же тебе нужно?

– Я хочу от тебя правосудия, – сказал Дромунд и продолжал: – Из глубины Норвегии прибыл я, чтобы отомстить за смерть любимого брата. Его убийца находится в твоей дружине. Прикажи ему выйти из рядов и назначь воинов в свидетели нашего поединка.

Надменность Ангуля сменилась осторожностью, и он, всмотревшись в говорившего с ним человека, спокойно сказал:

– По какому признаку можешь узнать ты убийцу?

– Тот, кто убил моего брата, воспользовался его мечом. Медвежий коготь изображен на рукоятке последнего... Смотри, он был вот такой же, как этот!..

Тут выхватил Дромунд меч, привешенный к боку Ангуля, и потрясал им, крича:

– Я нашел убийцу!

Сложив руки на своей широкой груди и смотря в упор на своего врага с поддельной отвагой, Ангуль пробовал сдержать его гнев:

– Асы тебе помогают, Дромунд. Вложи меч в ножны и скажи, чего ты требуешь. Я заплачу за кровь, как велит правосудие и наши законы...

Но он не успел договорить своего лживого обещания, как Дромунд два раза вонзил меч в грудь своего врага; потом, попирая ногами скатившееся в песок тело, запел гимн, который обыкновенно поют воины, удовлетворившие свою месть:

Меня окружала темная ночь, А теперь заснял день! Я смотрел на прах, Теперь я созерцаю звезды! Руки мои обагрены кровью, Но моя честь зато белее снега!

Глава 7

Позорный столб

Право мести было признаваемо в стане варягов всеми без исключения. Их варварский мозг так же привык к жестокостям, как тело к сырому мясу. Убийство, совершенное на земле из-за мести, давало доступ в Валгаллу. Но в данном случае смерть Ангуля задевала интересы слишком многих, лишая их надежды на осуществление ожидаемых выгод.

Дромунд и Харальд, защитивший своего друга от нападения толпы, должны были поэтому нести ответственность за совершенное ими убийство.

Распри среди наемников улаживались в Византии судьями очень просто. Виноватых приводили к пансевасту, и предлагали им заплатить выкуп за убийство. За такого важного начальника, каким был Ангуль, надо было заплатить сто сорок золотых, более чем годовое жалование наемного норманна.

Дромунд открыл перед трибуналом свой пустой кошелек...

– Ты знаешь закон? – сказал ему главный переводчик. – Топор правосудия должен пасть на твою голову.

– Да будет так, но этот человек не участвовал в убийстве, – сказал Дромунд, указывая на Харальда.

– Он защищал тебя от возмездия, – отвечал пансеваст, – так пускай и разделяет твою участь.

– Я этого и ожидал, – сказал Харальд.

Тотчас же по окончании суда назначена была и казнь.

Дворцовый сад оканчивался на востоке большой террасой, которая господствовала над Босфором.

Эта терраса служила для праздно живущих жителей Византии и для элегантной толпы знати, имеющей доступ ко двору, излюбленным местом прогулок и любовных свиданий. Вечером сюда приходили любоваться заходом солнца.

С этой эспланады, как с возвышения, открывался вид на порт, где лавировали суда. Внизу, под отвесной ее стеной, слышались беспрерывные брань и крики; наверху же между тем раздавались веселый смех, любезности, шорох вееров и звуки поцелуев.

У подножий этой террасы Дромунд и Харальд были прикованы к позорным столбам. Приставленный для наблюдения за ними воин то и дело отгонял зевак, которые приходили посмотреть на приговоренных к казни, и гонял шалунов-мальчишек, при одном виде его копья обращавшихся в бегство.

Равнодушные к взорам любопытных и к детским проказам, оба варяга безмолвно сидели у своих столбов. Их сердца под стальными кольчугами, по-видимому, бились спокойно. Но все же, когда в заливе показалось судно, плывущее на всех парусах в сторону Понтийского моря, Харальд глубоко вздохнул. Не боязнь смерти закрадывалась, однако же, в его душу при потухающих лучах заходящего солнца. Не питая ни к кому ненависти, он не испытывал теперь и удовлетворения от совершенного убийства. Ему просто было грустно. С тоской вспоминал он свои полные приключений плавания среди беспредельной свободы морей; ночи, проведенные в борьбе с волнами и непогодой; длинные рейсы, совершенные со славой; бури и грозы, которым так радовалась его смелая душа.

Сквозь высокие мачты судов грезилась ему острые скалы, бездонные пропасти, снежные вершины и громадные сосны, тесно стоящие друг около друга, как гиганты, готовые выдержать приступ; все эти воспоминания о милome севере так переполнили его сердце, что он запел старую скандинавскую песню.

Он воспевал и зиму с ее глубокими снегами, и весну, которая ломает твердый лед, согревает землю, зеленит ветви сосен, освобождая их от ледяной одежды. Про весну в песне говорилось:

В этот час спешит Урда, одна из трех красавиц Норн, за весенней водой к ручейку, чтоб напоить свежей влагой могучий ясень Иггдрасиль.

Харальд напевал тихо, сквозь зубы, и голос его звучал жалобно, как ветер, колеблющий снасти судна.

Услышав эти звуки, Дромунд бросил на землю горсть игральных костей, которыми забавлялся с ловкостью жонглера, перекидывая их с руки на руку. Затем, как собака, которую раздражает привязь, он нетерпеливо рванул свою цепь и обратился с вопросом к стражу.

– Товарищ, – сказал он, – я не боюсь смерти; скажи, когда нас поведут на казнь?

Посмотрев через лес мачт на запад, воин отвечал:

– Когда солнце погрузится в море, тогда и ваши головы будут плавать в крови.

– Благодарю!

Взволнованный своим пением, Харальд не обратил никакого внимания на слова воина. Помолчав несколько времени, как бы для того, чтобы прислушаться к грустным чувствам, царившими в его душе, он снова запел свой гимн:

Вода течет и превращается в мед, которым питаются пчелы. Норны не оставляют своими заботами ясень, и он растет и тянется к небу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.